

2. Вороний М. У саяві мрій : поезія, переклади / М. Вороний. – К. : Вид-во “Київська правда”, 2002. – 295 с.
3. Епштейн М. Коллективная импровизация : творчество через общение [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Топос : литературно-философский сетевой журнал. – Режим доступа : <http://topos.ru/article/6530>
4. Каштелянчук Л. Відлуння [Електронний ресурс] / Л. Каштелянчук : Режим доступу : www.dax.com.ua/ru/saloon/20040225/musei
5. Корнійчук В. Жанрова парадигма збірки “Semper Tiro” І. Франка / В. Корнійчук // Вісник Львів. ун-ту. Серія: філологія. – 2004. Вип. 33. Ч. 2. – С. 118 – 126.
6. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб. : “Искусство – СПб”, 2001. – 848 с.
7. Мальчугова Т.Д. Жанр послания в лирике А.С. Пушкина : Учебное пособие / Т.Д. Мальчугова. – Петрозаводськ : РИО Петрозаводского гос. ун-та им. О.В. Куусинена, 1987. – 91 с.
8. Сапожникова Н.В. “В письме я есмь” : жизнь и философско-антропологическая судьба эпистолярного дискурса русского 19 века / Н.В. Сапожникова. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2006. – 303 с.
9. Сергеева-Клятис А.Ю. Русский ампиризм и поэзия Константина Батюшкова / А.Ю. Сергеева-Клятис. – М. : Изд-во Московского культурологического лицея, 2001. – Ч. 2. – 90 с.
10. Тодд У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / У.М. Тодд. – СПб. : “Академический проект”, 1994. – 207 с. (“Современная западная русистика”)
11. Федькович Ю. Твори у 2-х т. / Ю. Федькович. – К. : “Дніпро”, 1984. – Т.1. – 462 с.
12. Чупринка Г. Поезії / Г. Чупринка. – К. : “Радянський письменник”, 1991. – 496 с.
13. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр? / Ж.-М. Шеффер. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 190 с.
14. Юферева О.В. Поетичне послання як “вільний” жанр: специфіка жанрової структури у когнітивному висвітленні / О.В. Юферева // Наукові записки. Серія філологічна. – Острого : Видавництво Національного університету “Острозька Академія”, Вип. 20. – 2011. – С. 430 – 438.

Summary. The article deals with the problem of genre identification of the verse epistle-and-impromptu, its specific features characteristic of the Ukrainian and Russian poets' works of XIX century. Special attention is paid to significant aspects of a content structure and the main development orientations of the verse epistle-and-impromptu. The author analyses this genre in the context of paratextual elements as a genre factor.

Key words: genre, verse epistle, impromptu, poetry, paratextual elements.

УДК 82.09

Т.В. Языкова

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН В РОМАНЕ ДЖЕЙМСА ГРАНТА “ЖЕЛАНИЕ ЛЕДИ ВЕДДЕРБЕРН”: ИСТОРИЧЕСКИЙ ИЛИ ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ?

Стаття присвячена дослідженню творчості другорядного англійського письменника – Джеймса Гранта. У статті аналізується його роман “Бажання леді Веддерберн” з позицій відповідності тексту та позатекстової реальності. За допомогою референціальної системи ідентифікації історичного персонажу розглядається образ персонажа роману Гранта – князя Галичина. Це надає можливість дослідити персонаж як фікціональний або історичний. Також, під час дослідження тексту роману виявляються деякі стереотипи погляду на росіян, притаманні англійцю середини XIX століття. Виявляється, що головний антагоніст роману – князь Галицин – є втіленням усіх негативних рис росіянина з точки зору освіченого британця. Загалом, дістаємося висновку щодо особливостей предикативного історизму Джеймса Гранта.

Ключові слова: предикативний історизм, референціальна система ідентифікації історичного персонажу, історичний персонаж, фікціональний персонаж, не-джентльмен, стереотип, Кримська війна.

Актуальность темы данной статьи обусловлена возрождающимся интересом к литературе периода правления королевы Виктории в Великобритании, к так называемому викторианскому роману. Современных исследователей все чаще интересует специфика историзма английских

писателей викторианской эпохи. Исследование механизма референции, то есть логико-семантических принципов соответствия текста и внетекстовой реальности, дает возможность сделать интересные и актуальные выводы по поводу референциальной системы идентификации исторического персонажа в литературном произведении. Что касается методологии исследования, то мы руководствовались принципами предикативного историзма, изложенными Д.В. Спиридоновым [4] и О.В. Шлыковой [5]. Согласно Д.В. Спиридонову, предикативный историзм основан, в отличие от историзма вещного, на другом подходе к изображению событий прошлого: “в его основе лежит правдивое изображение не вещей, но того, как действуют и что думают герои, ... он основан на правдивом выстраивании отношений между героями” [4, 222]. Как утверждает О.В. Шлыкова, соглашаясь с Д.В. Спиридоновым, “в первом случае историзм произведения проявляется в оппозиции “реальные вещи/фикциональные вещи”, а во втором – в оппозиции “исторические персонажи/фикциональные персонажи”. В референциальной системе идентификации исторического персонажа в литературном произведении выделяются два уровня: уровень узнавания, на котором исторический персонаж соотносим не с самой исторической личностью, а с ее образом, фиксированным в фотографиях, портретах, личных вещах, сочинениях, рукописях и т.п., и уровень собственно личности, как непосредственного референта того персонажа. Имплицитно существующее представление об отсутствии референта у фикционального персонажа означает, что в данном случае референцируется не сам герой, но возможность для него поступать, говорить и думать так, как вел бы себя человек изображаемой в определенных культурно-исторических условиях” [4, 5].

В данной статье исследуется творчество шотландского писателя Джеймса Гранта, писавшего, в основном, любовно-исторические романы, однако известного преимущественно как автора трёхтомного труда по истории Шотландии “Старый и Новый Эдинбург”. Романное наследие Гранта насчитывает более 50 произведений, которые еще не становились объектом литературоведческих студий в отечественном литературоведении. На родине писателя, в Великобритании, наиболее известны такие его произведения, как “Романтика войны” (“The Romance of War”, 1845), “Приключения адъютанта” (“Adventures of an Aide-de-camp”, 1848), “Желание леди Веддерберн” (“Lady Wedderburn’s Wish, 1870), “Под знаменем Красного Дракона” (“Under the Red Dragon, 1872), “Один из “шести сотен” (“One of the Six Hundred”, 1875) и другие. Произведения Джеймса Гранта не переводились на русский и украинский языки и являются малоизвестными нашему читателю. Поэтому в данной статье все цитаты даются в нашем переводе.

Объектом исследования в данной статье стал роман Джеймса Гранта “Желание леди Веддерберн” (“Lady Wedderburn’s Wish, 1870). Роман этот вышел в свет уже после войны, в 1870 году.

Это любовно-приключенческий роман. Действие в первом томе разворачивается на родине героев, в Шотландии. Здесь зарождается любовь между богатым наследником Сирилом Веддерберном и девушкой из знатной, но обедневшей семьи – Мери. Влюблённые вынуждены скрывать свои чувства от посторонних, потому что их семьи враждуют. Более того, их любви угрожают постоянные интриги кутилы и нечистого на руку игрока Честерса, который сам не прочь заполучить в жёны прекрасную Мери. Во втором томе главные герои – Сирил и его невеста Мери – расстаются: он отправляется на войну, в Варну, а она, пережив смерть отца и оставшись без средств к существованию, направляется в Лондон, где её ждут многочисленные злоключения. Вдобавок, Сирил, поддавшись интригам Честерса, верит в предательство Мери и разрывает их тайную помолвку. В третьем томе действие разворачивается в Крыму, во время Альминского сражения и последовавшей за ним осады Севастополя, и в Скутари, в Турции, где Сирил постепенно выздоравливает от полученных при Альме ран. Вторая сюжетная линия – это история любви между кузиной Сирила – Гвенни и его дальним родственником Хорасом. Он беден и вынужден сам зарабатывать себе на жизнь службой в армии, а Гвенни – богатая наследница, которую миссис Веддерберн прочит в жёны Сирилу. В Крыму Хорас попадает в плен к русскому генералу Галицыну, который держит его в крепости, взяв с него честное слово офицера. Гвенни и леди Веддерберн отправляются в Крым, устав ждать вестей от своих любимых. Гвенни тоже попадает в плен к Галицыну. Узнав о намерении Галицына жениться на Гвенни во что бы то ни стало, Хорас решается на бегство. Всё складывается удачно для влюблённых, чего нельзя сказать о Сириле и Мери. В Турции Сирил встречает Мери, отправившуюся вместе с Флоренс Найтингейл на помощь британским раненым. Все недоразумения между ними выясняются и Сирил уже планирует счастливое возвращение на родину вместе с невестой, как вдруг Мери умирает от чумы. Сам не свой от горя, Сирил возвращается в Крым и погибает в сражении. Таким образом, желание леди Веддерберн о воссоединении Сирила и Гвенни остаётся нереализованным, и ей ничего не остаётся, как дать своё благословение на брак Хораса и Гвенни. Крымская война в романе служит лишь фоном для романтических переживаний героев, усиливая драматичность ситуации.

Предметом нашего исследования стал механизм референции в изображении автором главного антагониста – князя Галицына (именно в таком написании).

Цель данной статьи заключается в определении типа персонажа князя Галицына у Джеймса Гранта: является ли данный персонаж историческим (т.е. есть ли у него референт в истории), либо фикциональным (т.е. таким персонажем, у которого непосредственный референт отсутствует, т.к. референцируется не сам образ, а возможность для него репрезентировать “картину эпохи”).

Попытки найти реальную личность – русского князя Голицына, жившего в середине XIX века и участвовавшего в Крымской войне, увенчались лишь частичным успехом. Мы нашли, что “в 1855 году, во время Крымской войны, 60-летний Н. Б. Голицын вступил в Курское добровольческое ополчение и во главе собранной в своем поместье Ново-Оскольской 45-й дружины отправился на бастионы Севастополя. Дошел отзыв об одном из концертов в пользу раненых Курского ополчения: “...Особый восторг у присутствующих произвело появление на эстраде ветерана нашего Ополчения, князя Н.Б. Голицына. Его встретил целый гром рукоплесканий, не дававший ему возможности несколько минут начать свое соло на виолончели... Сыгранное с аккомпанементом на фортепиано, оно уверило нас, что в князе так же живо и молодо артистическое чувство, как сильно в нем другое чувство, заставившее его стать в ряды Ополчения и идти с ним туда, где на страже неумолкаемых битв находятся его сын и внук” [3]. Николай Борисович – личность известная. Он был музыкальным критиком, выдающимся виолончелистом и другом Бетховена. Это был очень одарённый человек, патриот России и покровитель искусств. Сомнительно, чтобы он смог послужить прототипом жестокого русского полковника Галицына у Гранта. Что касается его сыновей – Николая и Юрия, то мы можем легко установить, что Николай Николаевич Голицын был библиографом, подольским вице-губернатором и редактором “Варшавского Дневника”, а Юрий Николаевич Голицын был известным дирижёром и композитором. В 1842 году он стал известен в Москве своим хором, состоявшим из 70-ти крепостных людей его тамбовского имения. Во время Крымской кампании Николай учился в университете на юриста, а вот Юрий принимал участие в Крымской войне, после которой вышел в отставку и совершенно посвятил себя музыкальной деятельности, главным образом в качестве дирижера хора. Вполне вероятно, что он взял с собой в Крым и своего 10-летнего сына Евгения. Как видим, все представители этой ветви рода Голицыных – люди образованные, интеллигентные, воспитанные и посвятившие свои жизни искусству.

Род князей Голицыных очень разветвлён, его представители ведут своё происхождение от великого князя литовского Гедимина. Ещё один представитель этого рода – князь Николай Сергеевич Голицын, “генерал от инфантерии (1809 – 1892); окончил курс в пансионе при царскомесельском лицее; принимал участие в войнах 1828 – 29 и 1830 – 31 годов; был профессором военной академии; в 1855 г., во время Восточной войны, исправлял должность генерал-квартирмейстера средней армии; в 1867 г. назначен членом военно-ученого комитета главного штаба. Капитальный труд Голицына – “Всеобщая военная история” (СПб., 1872 – 78). Он переведен на немецкий язык; шведская академия избрала Голицына своим членом за описание походов и войн Густава-Адольфа. Голицын редактировал в течение нескольких лет “Русский Инвалид”. В 1880 – 81 годы им помещены в “Русской Старине” извлечения из его записок” [7]. Николай Сергеевич, хоть и был генерал-квартирмейстером средней армии, активного участия в Крымской кампании не принимал. Он был военным историком, учёным.

Михаил Фёдорович Голицын, поручик лейб-гвардии Конного полка, проходил по делу декабристов, но полностью оправдан и принимал участие в Польской кампании 1831 года. Он оставил службу в 1835 году, и во время Крымской войны был звенигородским предводителем дворянства. Этот представитель рода Голицыных тоже, по всей вероятности, не был той исторической личностью, на основании которой Джеймс Грант выстраивает свой персонаж.

Таким образом, ни один из вероятных прототипов персонажа в романе Джеймса Гранта не находит исторического подтверждения.

Что же касается персонажа Гранта, то он с самого начала позиционируется автором как отрицательный персонаж. Это касается как поступков персонажа, так и его внешности. Во время первой встречи читателя с персонажем Галицын предстаёт в облике француза-зуава, во время своей шпионской деятельности в Варне: “... У зуава были тонкие черты лица, не характерные обычно для французов. Его чёрные, близко поставленные глаза, ярко сверкали; нос его был немного крючковатым, и из-под него топорщились остроконечные усы; но его чёрные как смоль волосы были коротко подстрижены”. (“... the Zouave had features that were more finely cut than usually appertain to Frenchmen. His eyes were black, glittering, and closely set together; his nose was somewhat hooked and a fierce moustache stuck sharply out on each side of it; but his hair, which was dark as a raven’s wing, was shorn close to the scalp” [6, Vol. 2, 274]).

В третьем томе Галицын – уже русский генерал, здесь даётся более полное описание его внешности: “Из-под распахнутого, свободно ниспадающего серого пальто выглядывала богато расшитая золотом и кружевом зелёная военная форма. На ней были массивные эполеты, и

несколько медалей и орденов империи переливались на его груди. (“Under a loose grey great-coat, which was open, he wore a rich uniform of grass-coloured green, richly laced with gold. His epaulettes were massive, and several medals and orders of the empire were sparkling on his breast” [6, Vol. 3, 115]). На фоне такой прекрасной военной формы Грант выделяет неприятную внешность персонажа, в которой есть нечто демоническое: “Это был немного низкорослый мужчина с красивым лицом, на котором сверкали тёмные глаза, очень близко посаженные друг к другу, и оттого неприятные; нос его был крючковатым, но с тонкими ноздрями, что указывало на татарскую кровь, а его иссиня-черные усы были заливчатски подкручены”. (“He seemed rather an undersized man, with a handsome face, having dark and sparkling eyes, set indeed unpleasantly near each other; his nose was hooked, with a somewhat delicate nostril, indicating Tartar blood, and his jet black moustachios were well and fiercely curled up” [6, Vol. 3, 115]). Как видим, автор сохраняет выработанную установку на нелицеприятное описание персонажа, обусловленную тем, что Галицын в романе – отрицательный персонаж, жестокий и коварный враг союзников.

Во время первой встречи в Варне своим поведением он насторожил английских офицеров: “И вот к ним присоединился тот же самый капитан зуавов, которого они видели возле палатки часового Джойса. Сейчас он был верхом на крепком маленьком татарском коне и, казалось, совершил *основательный объезд* французских позиций, вместо того, чтобы проехать *через* них”. (“... They found themselves joined by the same Captain of Zouaves whom they had seen near Joyce’s guard-tent. He was now mounted on a stout little Tartar horse and seemed to have made a *detour* round the French lines, instead of coming *through* them” [6, Vol. 2, 273]).

Кульминационный момент в описании личности персонажа происходит, когда в битве при Альме спасённый англичанами Галицын вероломно стреляет в них, попирая при этом все джентльменские правила ведения войны: “Им удалось вытащить его <из-под умирающего коня> и поставить на ноги, но варвар, – в котором Сирил мгновенно узнал шпиона из Варны, прикидывавшегося капитаном зуавов, – вытащил револьвер из-за пояса и, боясь плена и под влиянием национальной и религиозной ненависти, – а именно эти эмоции были написаны на его красивом лице, искажённом страхом и неприятием, – выстрелил в обоих своих спасителей и растворился среди своих наступающих сил, чудом избежав нескольких пуль, посланных ему вдогонку разъярёнными фузилёрами”. (“They succeeded in dragging him out <from the dying horse>, and raised him to his feet; but the barbarian – in whom, with the speed of thought, Cyril recognised the spy of Varna, the pretended Captain of Zouaves – drew a revolver from his belt, and, inspired by all the terror of capture, and the hatred of race and religion – for by these emotions his face, a handsome one, was quite distorted – he fired at both his protectors, and retired among his advancing men, escaping several shots that were sent after him by the exasperated Fusileers” [6, Vol. 3, 44]). Читатель после такого описания предательского поведения русского, естественно, негодует вместе с автором и невольно сравнивает благородный поступок англичан с “варварством” русских. Несколько позже автор колоритно описывает не только самого Галицына, но и его русское окружение: “Немного в стороне от того места, где более тысячи русских кавалеристов стреножили своих коней, и где они готовили, курили, ели кислую капусту и пили горький квас или обжигающую водку, расположившись вольготно на всё ещё сырой траве, скинув пояса и шлемы <...>, князь Галицын вместе с несколькими шумными русскими офицерами наслаждались наспех приготовленным обедом возле стены татарского виноградника – сооружения, которое, судя по толщине стены, древности и высоте, должно быть, было развалинами одной из многих крепостей, построенных в Крыму в пятом веке для обороны от готов и гуннов”. (“Apart from where more than a thousand Russian heavy cavalry had hobbled their horses, and were cooking, smoking, eating sour krout and drinking bitter quass or fiery raki, some lounging at length on the still damp grass, with their belts and leather helmets off <...>, Prince Galitzin and a few noisy Russian officers were partaking of a hurried repast near the wall of a Tartar vineyard – an erection which, from its massive thickness, age, and height, must have been a remnant of one of the many fortresses erected in the Crimea during the fifth century against the Goths and Huns” [6, Vol. 3, 114-115]). Явно прослеживается пренебрежительное отношение автора к русским простолюдинам, которые едят кислую капусту и пьют горький квас.

Однако, основное внимание автор сосредоточивает на главном отрицательном персонаже – Галицыне. Когда Хорас Раморни оказывается в плену у Галицына, он даёт своё честное слово офицера, что не попытается сбежать, и поэтому он может относительно свободно передвигаться по крепости. Несмотря на это, Галицын обращается с ним холодно и пренебрежительно: “Несмотря на то, что он был русским князем и, соответственно, как мы можем предположить, джентльменом, Галицын смутно представлял себе то положение, которое занимает в английском обществе офицер любого ранга; и хотя и престарелый воспитатель Императора, и даже его кучер номинально носят звание полковника – ибо всё в России оценивается по мерке меча и эполетов, – он был склонен обращаться с “господином Рамхорновым”, как он его называл, довольно сдержанно, и даже

холодно, в особенности когда положение гарнизона в Севастополе стало незавидным”. (“Though a Russian Prince, and, consequently, we may suppose, a gentleman, Galitzin had but vague ideas of the position held in English society by an officer of any rank; and though the superannuated nurse of the Emperor, and even his coachman, have the nominal rank of Colonel – for everything is judged by the standard of the sword and epaulette in Russia – he was disposed to treat the “Hospodeen Ramhornoff,” as he called him, rather coldly, and all the more so when reverses came thick and fast upon the garrison of Sebastopol” [6, Vol. 3, 130-131]).

В данном отрывке мы встречаем типично английское слово – джентльмен. Что же означает – быть джентльменом? Как пишет С.Н. Кожевникова, обобщая взгляды различных английских писателей, “при всех различиях во взглядах, ясно просматривается общий контур джентльмена: он должен обладать большими личными достоинствами, доведенными до совершенства путем длительной шлифовки в процессе воспитания и образования; он должен быть сдержан, заботиться о своей репутации; в отношении к другим он должен быть доброжелательным, его благосклонность должна иметь универсальный характер, распространяться как на высших, так и на низших; он должен быть милосердным, то есть искренне сопереживать другим людям и стремиться активно делать добро” [2]. Какие же черты образа Галицына можно выявить? Это вероломство, подлость, подозрительность, тирания по отношению к подчинённым, самодурство, аморальность, и нечеловеческая жестокость. Такой набор качеств совершенно противоположен представлению англичанина о настоящем джентльмене. Если отмеченные выше отрывки являются свидетельством вероломства и подлости, то далее будут приведены текстовые свидетельства подозрительности, тирании, самодурства, аморальности и жестокости Галицына. Для более яркой обрисовки образа Галицына автор имплицитно противопоставляет его положительному герою – Хорасу. Оба образа достаточно ярко определены автором в третьем томе, когда Хорас попадает в плен к Галицыну.

Галицын постоянно подозревает, что Хорас что-то затевает: “Хотя мысль о том, чтобы нарушить данное слово чести, попытавшись сбежать или покинуть свою тюрьму без надлежащего обмена никогда и не приходила в голову Хорасу, манера обращения с ним Галицына оскорбительно свидетельствовала о том, что *он* подозревал, что что-то в этом роде затевается”. (“Though the idea of violating his parole of honour, attempting to escape or to quit his prison without being properly exchanged, never occurred to Horace, the manner of Galitzin offensively showed that *he* was suspicious of something of the kind being attempted” [6, Vol. 3, 169]). Далее находим очень интересное описание русско-татарского характера с точки зрения англичанина, формирующего свои представления о русских по газетным карикатурам и нелепым рассказам: “Русскому с татарскими корнями вкрадчивость и хитрость были присущи с колыбели, так же, как и капризы и тиранство; тогда его научили пинать образ его покровителя, святого Ивана Великого, и даже швырять его в огонь, если у него болел живот от переедания сладостей, или если он терял свой волчок или шарики, или же если кто-то из его товарищей давал ему взбучку за его наглое поведение”. (“To a Russian of Tartar descent, subtlety and craft were familiar, even as caprice and tyranny, from the days of his wooden cradle, when he had been taught to thump or kick the image of his patron, Saint Ivan Veliki, and even to thrust it in the fire if he suffered pain from overeating himself with pastillia or other sweetmeats; if he lost his top or marbles, or got cuffed for his insolent petulance by any of his companions” [6, Vol. 3, 169-170]). В данном отрывке можно со всей отчётливостью проследить стереотипы представления англичан о русских, которые могут показаться нам смешными и нелепыми, например, то, что русских с колыбели учат пинать образ святого, если что-то их раздражает. Такое описание поведения русских не может не вызвать чувства неправоты врага у английского читателя. Как справедливо отмечает Н. А. Ищенко, “враг должен вызывать острое ощущение опасности, уверенность в правоте “своих” и неправоте “чужих”, обязательный гнев и желание изобразить его не только страшным, безжалостным и диким, но и слабым и комичным, чтобы “своих” не покидала уверенность в неминуемости победы” [1, 11]. В приведённых отрывках явно прослеживается такая тенденция: персонажу Галицына, т.е. врага, приписывается и дикость, и безжалостность, и слабость.

От обобщающего описания всех русских и татар в образе Галицына автор переходит к конкретному описанию подозрительности и недоверия Галицына: “Он подозревал, что редко что в этом мире делается по тем мотивам, которые приписывались этим деяниям, и он думал, что под прикрытием того, что происходило, что-то ещё, незамеченное, имело место быть. И поэтому ужасное недоверие ко всем и вся заполняло его существование”. (“He suspected that few things in this world were ever done for the motives really assigned to them, and he believed that under all that went on, something *else* was going on unseen. So there was a terrible distrust of everyone and everything pervading his whole existence” [6, Vol. 3, 170]). Подытоживает описание характера и привычек Галицына автор всего в одном небольшом, но ёмком предложении: “Он был москвитом до мозга костей!” (“He was Muscovite to the heart’s core!” [6, Vol. 3, 170]). Вот так читатель и

формирует своё представление о всех русских – опираясь на мнение автора, основанное, в свою очередь, на газетных и журнальных стереотипах.

Показательно и описание тирании Галицына по отношению к подчинённым: “Галицын был изрядным тираном. Редкий день проходил без того, чтобы какого-нибудь офицера не арестовали за незначительную провинность, или солдата не лишили его крохотного жалования по прихоти князя, вдобавок солдат секли, привязывали за шею и ноги к пушке или же отсылали на стрельбы”. (“Galitzin was a great tyrant. Seldom did a day pass without finding an officer under arrest for some petty fault; or a soldier muleted of his miserable pay for the Prince’s behoof, flogged, tied neck and heels to a musket, or sent to shot drill” [6, Vol. 3, 137]). Автор не может не подчеркнуть здесь же и пагубные пристрастия, и сомнительные связи Галицына: “Все эти наказания обычно приводились в исполнение вечером, после того как Галицын хорошенько наберётся крымского вина; а вслед за тем, как он понаблюдает за наказаниями и помолится святому Ивану Великому перед безвкусным потемневшим образом, он обычно удалялся выкурить сигару в апартаменты к своему родственнику, полковнику Алексею Тегоборскому; с женой же его, цветущей и светловолосой Нориной Павловной он, казалось, был в очень близких отношениях”. (“And these punishments generally took place in the evening, after Galitzin had imbibed his full share of crimskoi; and after witnessing them, and saying prayers before a gaudy print of his patron, St. Ivan Veliki, he generally retired to smoke a cigar in the apartments of his kinsman, the Pulkovnick Alexis Tegoborski, with whose florid and fair-haired wife, Norina Paulovna, he seemed on remarkably intimate terms” [6, Vol. 3, 137]). Даже эпитет, который Джеймс Грант подбирает для описания образа святого – “gaudy” (“безвкусный, яркий, кричащий”) – говорит о неприязненном отношении автора ко всему русскому, к традициям и религиозным верованиям народа.

Однако, кульминацией нечеловеческой жестокости становится описание момента, когда пленного английского офицера Честерса (шулера и мошенника, в своё время обобравшего Галицына до нитки) закапывают заживо по его приказанию: “ ‘Да покончите вы с ним, наконец, заройте его как есть,’ сказал Галицын, не раздумывая. ‘Придержите патроны для других! Быстро – выполняйте мой приказ, не то вам же будет хуже!’” (“ ‘In with him as he is and cover him up,’ said Galitzin, remorselessly. ‘Keep your ammunition for others! Quick – obey me, or it shall be the worse for yourselves!’” [6, Vol. 3, 122])

Несмотря на преобладающее негативное описание характера и привычек Галицына, автор отдаёт должное его образованности: “Галицын был хорошо образован и знал всё то небольшое, что тогда существовало из русской литературы; так, он брал на себя смелость переводить Гвенни нежные отрывки из стихов графини Ростопчиной, которые ему пришлось по душе (а так как это была подпольная литература, то распространялись эти стихи только в рукописном варианте), или стихи Пушкина, который так сладко воспел Фонтан Слез во дворце крымских ханов”. (“Galitzin was well educated and knew all the little that existed then of Russian literature; thus he made many an excuse of translating to Gwenny the tender passages which he had marked off in the poems of the Countess Rostopchin (which being secret literature, circulate in MS. only) or the verses of Puschkin, who has sung so sweetly of the Fountain of Tears in the palace of the Crimean Khans” [6, Vol. 3, 194]). Как видим, автор считает, что на тот момент – середину XIX века – в русской литературе было не так уж много хороших произведений. Однако не упомянуть Пушкина он не может – гений русской словесности был почитаем даже англичанами, всегда считавшими, что родиной всего самого лучшего – от прозаических товаров до возвышенной литературы – является только Великобритания. Н. А. Ищенко отмечает, что “в целом россияне под влиянием переводов стали рассматриваться как “хорошо образованные варвары” [1, 16-17]. Такая точка зрения находит своё подтверждение и в рассматриваемом произведении.

Дабы усилить неприязнь английского читателя по отношению к Галицыну, автор вкладывает в его уста дерзкий, с точки зрения любого англичанина, монолог об Англии и всём английском: “Скажите ей, что если она выйдет за меня замуж без лишнего шума или нелепого сопротивления, я открою перед ней жизнь, полную богатства и великолепия в Санкт-Петербурге или в Москве – я предоставлю ей такой выбор – в Баден-Бадене, или же ещё где-либо, жизнь такую, какую она даже не сможет представить в Англии – в этой стране туманов, исключительности во всём, предрассудков, где всё иностранное сразу клеймится как смешное и судится по стандартам Пол-Мола или Старого Бейли – ваших Таймс или Панч. Я знаю всё об этом, я был в Лондоне, и был там достаточно долго, чтобы судить”. (“Tell her that if she will marry me without any fuss or absurd resistance, I shall open up to her a life of wealth and brilliance at St. Petersburg or Moscow – she can have her choice – at Baden-Baden, and elsewhere, such as she cannot conceive and could not have in England – that land of fog, of exclusiveness, and insular prejudices, where everything foreign is deemed ridiculous and judged by the standard of Pall-Mall or the Old Bailey – your Times and your Punch. I know all about it; I have been in London, and was there too long for my own profit” [6, Vol. 3, 220]).

Какие же выводы можно сделать из приведённых выше отрывков рассматриваемого произведения?

Во-первых, Галицын – главный антагонист, воплотивший в себе все негативные стороны русского характера в стереотипных представлениях англичан. Автор не поспешил на нелицеприятные описания жестокости, тирании, аморальности и предательского поведения Галицына. Галицын у Гранта – полностью отрицательный герой, наделённый автором всеми сомнительными чертами, свойственными русскому с точки зрения просвещённого англичанина;

Во-вторых, Голицын у Гранта – противоположность “кодексу джентльмена”. Это вероломный воин, жестокий тиран, расчётливый любовник, непредсказуемый самодур и варвар, хотя и образованный.

В-третьих, исходя из изображения персонажа Галицына Джеймсом Грантом, можем сделать вывод о том, что особенностью предикативного историзма данного писателя является то, что рассматриваемый персонаж не может быть отнесён ни к категории исторических, ни к категории фикциональных персонажей. Используя референциальную систему идентификации исторического персонажа в литературном произведении, мы пришли к выводу, что персонаж Галицына у Джеймса Гранта не может быть определён ни на уровне узнавания, ни на уровне собственно личности как непосредственного референта того персонажа, с которым она соотносима. Персонаж романа полностью вымышлен автором, в нём нет никакой исторической достоверности, однако фамилия взята из генеалогии реально существующего родовитого русского семейства. Все черты образа героя придуманы и не имеют ничего общего с реальными представителями семейства Голицыных. Пока на основании одного произведения Джеймса Гранта – “Желание леди Веддерберн” – можно сделать вывод об особенности предикативного историзма писателя. Его персонаж – Галицын – не исторический, и не фикциональный.

Список использованных источников

1. Іщенко Н.А. Міфотворчість у воєнному дискурсі: національний міф про Кримську війну 1853-1856 років у літературі Великої Британії другої половини ХІХ століття: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук: спец.: 10.01.04. “Література зарубіжних країн” / Н.А. Іщенко. – Сімферополь, 2008. – 44 с.
2. Кожевникова С. Н. Английский джентльмен XVIII века – модель поведения, дающая ключ к успеху [Электронный ресурс] / С. Н. Кожевникова // Сборник материалов XI Ежегодной Международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы (17-21 сентября 2001 года, Тамбов). – 2001. – Режим доступа: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/kozhevnikova-anglijskij-dzhentlmen.htm>
3. Люсый А. Догматы и ноты. Николай Голицын – предтеча экуменизма [Электронный ресурс] / А. Люсый. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru>
4. Спиридонов Д. В. Проблема историзма в художественной литературе: референциальный аспект / Д. В. Спиридонов // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 10. – Филология. – 2005. – № 39. – С. 220–229.
5. Шлыкова О. В. Специфика историзма Чарльза Кингсли в контексте викторианского исторического романа: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.04. “Литература зарубежных стран” / О. В. Шлыкова. – Симферополь, 2010. – 22 с.
6. Grant James. Lady Wedderburn's Wish. A Tale of the Crimean War. In three volumes / J. Grant. – London: Tinsley Brothers, 1870. – 290p., 278 p., 282 p.
7. www.rulex.ru/01040404.htm

Summary. The article is devoted to the research of literary heritage of second-line British writer James Grant. Under consideration is his novel “Lady Wedderburn's Wish”. It is analyzed from the standpoint of matching text and reality. The image of the main negative character in the novel – Prince Galitzin – is viewed with the help of referential system of historic character identification. It makes possible to define the character as fictional or historic. Also, during the text study of the novel some stereotypes concerning the image of Russians that are typical for an Englishman of the XIX century are brought to light. It becomes clear that the main antagonist in the novel – Prince Galitzin – is an embodiment of all negative traits of character that are typical for a Russian from the point of view of an enlightened Britishman. The main features of predicative historicism of James Grant are being deduced.

Key words: predicative historicism, referential system of historic character identification, historic character, fictional character, non-gentleman, stereotype, the Crimean War.